

**Яркий, смелый, озорной, жизне-
радостный, легендарный Д'Артаньян
всех времён и народов – таким
все знают Михаила Боярского. Но
всенародный любимец в жизни совсем
не обязан в точности соответствовать
экранному имиджу образцово-
показательного мушкетёра. О
слабых и сильных сторонах своего
характера замечательный актёр
Михаил Боярский откровенно, без
рисовки рассказывает нашему корреспонденту
Афанасию БОРЩОВУ.**

– Михаил Сергеевич, я слышал, что вы в армию попали из-за какой-то случайности...

– Дело было так: отец Никиты Михалкова стал просить за сына, чтоб того освободили от "почётного долга". Министр обороны Гречко заорал: "Всех этих артистов... немедленно... в армию!" Барышников успел уехать в Штаты. По списку следующим после него шёл я. К 24 годам я уже играл в "Ленсовете". А тут загредел в больницу. Друзья стали наставлять: мол, говори, что у тебя была черепно-мозговая травма в детстве (а это действительно так), и утверждай, что ты постоянно видишь каких-то мух. Мне это не очень понравилось, решил придумать что-нибудь другое. В детстве у меня был гепатит, печень до сих пор увеличенная. Дай, думаю, её ещё чуть-чуть увеличу: попросил подружек принести банку бормотухи. Они решили, что я просто выпить хочу, притащили коньяк "Наполеон". Выбора не было. Выдуд я эту бутылку в туалете в один

присест. Мало, я попросил ещё бутылку. Заход повторил. Думал – всё, армия не грозит больше. Утром врач осмотрел меня, а я всем видом показывал, что с такой печенью долго не протяну. Стал натурально стонать. Врач сказал, что артист я неплохой, но здоров, как бык, так что... И я попал в пулемётно-артиллерийский полк.

– Как же получилось, что выпивка стала много значить в вашей жизни?

– Трезвому жить очень трудно. У мужика, когда тот сильно выпьет, всё плохое уходит. С утра новая жизнь, в которой ты король. Мне вообще до того, как закодировался, помогали лишь две вещи: бутылка и книга. Смотрите сами: после спектакля выпивали – до 8 утра меня лучше было не трогать; пока разгримировались – одну бутылку проглотили, пока спустились в буфет – вторую выкушали, пока пришли в ресторан – третью, потом к кому-то домой. А там хорошие разговоры, творческая обстановка. Это благородное гусарство, если хотите.

– А лысый Боярский – это хохма?

– Нет, это правда. Была вечеринка у меня дома. Нам, естественно, не хватило. Я пошёл за добавкой. Одел женскую шубу и пошёл. Шёл в женской леопардовой шубе и орал какую-то песню на весь Невский. Милиционер меня остановил. Я стал с ним препираться. Меня прокатили в отделение. Там захотели отнять у меня бутылку. Что тут началось. В общем, на новые неприятности наприсился. Побрили меня и бумагу куда надо настрочили.

Вот после того случая моя будущая жена Лариса и обратила на меня внимание. Мы стали встречаться, дошло до того, что она сказала: "Миша, или женись, или не надо больше заявляться!" Я ответил: "Ладно, больше заявляться не буду!"

Кончилось это свадьбой. Нашим театром руководил знаменитый Владимир, который к женщинам был очень строг, он, если узнавал о беременности той или иной молодой актрисы, тут же говорил ей, чтоб она немедленно делала аборт, потому что у неё же спектакль на носу: Когда я пришёл к нему работать, он сказал: "Тронешь хоть одну женщину, уволю – не тебя, а её!" Вот я и боялся за Ларису.

– Я слышал, что ваши отношения с женой не были особо ровными...

– У нас итальянская семья, с мексиканскими страстями, замешенными на русском характере. У меня отец с мамой были очень бурными людьми: сковородки летали, скалки пускались в ход. Я с женой тоже спокойно не жил. Хлопал порой дверями так, что стёкла вылетали из оконных рам. А однажды даже по башке сковородой получил,

Михаил Боярский: «Трезвому жить очень трудно».

Откровенность любимца публики

правда! Жена пошла на репетицию, а я остался с маленьким сынишкой. Он стал плакать, а я после встречи с одноклассниками "вырубился", ну, то есть совсем отключился. Лариса вернулась домой и стала звонить в дверь – я не открываю. Она слышала крик Серёжки из детской. Через балкон соседней по карнизу она перелезла в нашу квартиру, выбив стекло. Подумайте только, она не нашла ничего более умного, как хлопнуть меня со всей силы сковородкой по башке! Я тогда увидел жену такой разъярённой тигрицей, что полюбил её заново. Мы быстро помирились, и ребёнок успокоился.

– Алкогольная история может длиться бесконечно?

– Ну, здоровьё-то рано или поздно сдаёт! Я решил закодироваться потому, что слишком много оказывалось желающих выпить со мной: каждый второй протягивал мне стакан. Отказаться трудно: люди со всем уважением ко мне, а я гордый, что ли? Уважил одного, второго. Здоровья у меня было много, но не выдержало оно. Спиртное стало смыслом жизни, а мне то на коне в кино скакать, то на сцену выходить. Нужно при этом, чтоб руки не тряслись и глаза не были красными. А ещё память стала отказывать. Я раньше за ночь мог выучить десять страниц

текста, а как учить, когда водка булькает внутри? Предела не знал, пил столько, сколько было, а было всегда много, я ж человек увлекающийся.

Сейчас я раскодировался. Прежней тяги нет, да и пожить ещё хочется.

– Много говорят о вашей страсти к красивым женщинам...

– Когда 20-я девушка заявила, что беременна от меня, жена успокоилась: ну не мог я переспать со всем Советским Союзом. Правда, однажды из-за "женской темы" мы чуть не разошлись. Решили без истерик. Она даже помогла мне собрать чемодан. Посидели с ней перед дорожкой, чинно так, как в кино. Я прошёл 200 метров. Поставил чемодан на снег и подумал: "Господи, куда ж я иду в третьем часу ночи?" Вернулся домой, словно выходил за сигаретами, Лариса сделала вид, что ничего и не произошло. Больше к теме развода мы с ней не возвращались.

Понимаете, важно, чтоб у каждого человека было особое отношение, более глубокое, чем просто страсть. К концу жизни должна быть женщина, к которой отношение особое, глубоко искреннее и нежное. У меня было много женщин, было из кого выбирать, я выбрал Ларису и не ошибся. А вообще я ярый домостроенец!

– В каком смысле?

– Я считаю, что у женщин должно быть своё место, которое ей укажет мужчина: если она хочет быть со мной, пусть живёт с таким, какой я есть. Ведь я не женщину беру, я семью создаю. Женщин может быть много, но я выбираю мать для своих детей. Моя задача серьёзная: обеспечивать, кормить, обувать, одевать и создавать условия для очень хорошей жизни своей семье. Недавно, к примеру, я подарил сыну квартиру, сын женился и уже сделал меня дедом, а ему всего 20. Ещё джип новенький ему купил, чтоб он с молодости привыкал к хорошим вещам и не тряса над ними. Мужчина должен быть полным и всевластным хозяином в доме – этому я сына учу с детства. Мне нравится отношение мужчин к женщинам на Востоке. На Западе вообще нет ни женщин, ни мужчин, там есть служащие. Женщина должна быть хорошей женой, и не более того: умная это та, которая хороший борщ сварила. Женщина должна быть беспомощной, даже отчасти глупенькой. Она может играть на рояле, в кино сниматься, вести светские вечера, но не больше. Женщина в балете – это прекрасно. Женщина-проводник – уже нето. Я люблю Пиаф за то, что она маленькая и сломанная, Пугачёву – за то, что она азартная и свободолюбивая. А женщин-композиторов, скульпторов, писателей просто нет. Слава богу, женщин-режиссёров мало, потому что толковое кино могут снять только мужчины. Женщину надо любить, а значит, сохранять её женственность.

Если оградить её от всех проблем и от необходимости работать, тогда женщина станет музой и будет вдохновлять. Вот и весь домострой.

– Не могу удержаться, чтоб не спросить о мушкетёрах. Осталось ли в вас с друзьями что-то мушкетёрское?

– А как же! На телевидении снимали про нас "20 лет спустя", Володю Балона попросили рассказать о том, как он ставил бои. У "Останкино" расстелили ковёр, как в кино, корзину с закусками. Мы (Смирнитский, Старыгин, Балон и я) сели на ковре. Вдруг увидели девушек из конноспортивной школы. Так уж они лихо и легко скакали, что я не удержался: "Девушки, сюда, к нам, послушайте наши мушкетёрские рассказы!" – и тихонько добавил, чтоб слышали только "мушкетёры": "Сейчас быстренько съёмки закончим и приударим!" Все захохотали, потому что рассказывали до этого друг другу о том, что у кого болит и что помогает. Сами все больные, а за девчонками – хоть на костылях. Порой наше мушкетёрство плачевно заканчивается.

– Плачевно?

– Как-то я приехал в Германию на концерт Дунаевского, там случайно столкнулся со Смирнитским. Обнялись, расцеловались и помчались в подвальчик отметить встречу. Сидели на ящиках с соломой, пили дешёвое вино и плакали от счастья. Потом решили ещё раз отомстить оккупантам и пошли штурмом на Рейхстаг... ■

Фото в тексте и на обложке А. Мелихова

